

> МАГИСТРАЛЪ >

АЛЕН-ФУРНЬЕ

БОЛЬШОЙ МОЛЫН

Москва
2024

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
А48

Alain-Fournier

LE GRAND MEAULNES

Перевод с французского *Мориса Ваксмахера*
Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Ален-Фурнье.

А48   Большой Мольн / Ален-Фурнье ; [перевод с французского М. Ваксмахера]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199747-2

Единственный законченный роман и самое крупное произведение французского писателя Алена-Фурнье, погибшего на полях Первой мировой войны в 27 лет. Культовый французский роман, вдохновивший Джона Фаулза.

Эта история о дружбе двух подростков — Франсуа и Огюстена по прозвищу Большой Мольн. Скромный и мечтательный мальчик Франсуа знакомится в школе с новеньким — оригиналом и фантазёром Огюстеном по прозвищу Большой Мольн. Однажды Огюстен пропадает на 2 дня, а по возвращении рассказывает невероятную историю. Оказывается, за время своего отсутствия он побывал в загадочном замке, где встретил девушку Ивонну и влюбился в неё. Франц обещает помочь Огюстену воссоединиться с красавицей. По просьбе Франца подростки заключают дружеский союз: каждый явится на помощь другу по первому зову...

Джон Фаулз назвал «Большой Мольн» величайшим романом в европейской литературе, посвящённым юности. Прочтя роман ещё в школьные годы, Фаулз отмечал, что он сильно подействовал на него, а когда он писал свой первый роман «Волхв», то находился под очень большим влиянием Алена-Фурнье.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-199747-2

© М. Ваксмахер, перевод на русский язык, наследники, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моей сестре Изабелле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

НОВИЧОК

Он появился в нашем доме в один из воскресных дней ноября 189... года.

Я по-прежнему говорю в «нашем доме», хотя дом уже давно перестал быть нашим. Вот уже почти пятнадцать лет, как мы уехали из тех мест и, наверное, никогда больше туда не вернемся.

Мы жили на территории школы в маленьком городе Сент-Агат. Мой отец, которого я, как и все другие ученики, называл «господин Сэрель», преподавал и в старших классах, где воспитанников готовили к экзаменам на звание учителя, и одновременно в средних. Моя мать занималась с младшими классами.

Длинное красное строение на окраине городка, с пятью застекленными дверьми, все заросшее диким виноградом; огромный двор с площадкой для игр и с прачечной; большие ворота, за которыми начинается улица; с северной стороны решетча-

тая калитка выходит на дорогу в Ла-Гар, что в трех километрах от Сент-Агата; на юге, позади дома, — пригороды, переходящие в поля, сады и луга... Таковы в общих чертах приметы дома, где я прожил самые тревожные и самые мне дорогие дни своей жизни, — дома, откуда брали свое начало и куда возвращались все наши приключения, разбиваясь, как волны об одинокую скалу.

Нашу семью привела сюда простая случайность: то ли поиски работы, то ли распоряжение инспектора или префекта. В один теперь уже очень далекий день, к концу каникул, крестьянская повозка, за которой следовал наш домашний скарб, подвезла нас — мою мать и меня — к ржавой решетчатой калитке. Мальчишки, воровавшие в саду персики, бесшумно юркнули в щели изгороди... Моя мать, которую мы с отцом называли Милли, самая педантичная хозяйка на свете, тотчас прошла в комнаты, заваленные пыльной соломой и, как это бывало с ней при каждом переезде на новое место, сразу с отчаянием заявила, что просто невысказанно размесить мебель в таком ужасном доме... Она вышла ко мне, чтобы поделиться своим огорчением. Разговаривая со мной, она ласково вытирала носовым платком мое лицо, почерневшее от дорожной пыли. Потом вернулась в дом и стала подсчитывать, сколько дыр нужно заделать, чтобы квартира стала пригодной для жилья... А я остался в этом чужом дворе один, в своей большой соломенной шляпе с лентами, и, ожидая Милли, копошился в песке под навесом возле колодца.

Во всяком случае, именно так представляется мне теперь наш приезд в Сент-Агат. И едва только пытаюсь я вызвать в памяти этот далекий первый вечер в школьном дворе и это первое ожидание, как передо мной встают другие вечера, тоже наполненные ожиданием; уже я вижу себя возле больших ворот, вижу, как, схватившись обеими руками за решетку, я пристально смотрю на улицу и жду, тревожно жду кого-то. А если я стараюсь представить себе первую ночь, проведенную на новом месте, в моей мансарде, рядом с чердаками на втором этаже, сразу вспоминаются мне другие ночи; я уже не один в этой комнате: по стенам движется большая беспокойная тень моего друга. Школа, поле папаши Мартена с тремя ореховыми деревьями, сад, каждый день, начиная с четырех часов, заполнявшийся женщинами, которые приходили в гости к маме, — этот мирный пейзаж навсегда вошел в мою память каким-то встревоженным, неузнаваемо преобразенным благодаря присутствию человека, который взбаламутил все наше отрочество и даже бегством своим не принес нам успокоения.

Однако мы прожили в этих краях уже десять лет, когда появился Мольн.

Мне было пятнадцать лет. Было холодное ноябрьское воскресенье, первый в ту осень день, напомнивший о зиме. Весь день Милли прождала экипаж из Ла-Гара, с которым ей должны были привезти зимнюю шляпу. Утром она пропустила мессу; сидя вместе с другими детьми на хорах, я до самой проповеди тоскливо поглядывал на двери,

надеясь, что она вот-вот войдет в своей новой шляпе.

К вечерне мне тоже пришлось идти одному.

— Впрочем, все равно, — сказала она, желая меня утешить и счищая рукой пылинки с моего костюма, — даже если бы ее и доставили, эту шляпу, мне бы, наверно, пришлось все воскресенье ее перделывать.

Нередко так и проходили наши зимние воскресенья. Отец с утра отправлялся на какой-нибудь дальний, окутанный туманом пруд ловить с лодки щук, а мать до самой ночи сидела в полутемной комнате за починкой своих немудреных нарядов. Она запиралась на ключ из боязни, что какая-нибудь знакомая дама — такая же бедная и такая же гордая, как и она, — застигнет ее за этим занятием. А я, придя от вечерни, сидел в нетопленной столовой, читал и ждал, пока она отопрет дверь, чтобы показать мне, как ей идет эта обнова.

В то воскресенье я немного задержался после вечерни на улице. Возле церкви было оживленно, у входа собрались мальчишки поглазеть на крещение. На площади несколько горожан, облаченных в пожарные куртки, составили ружья в козлы и, зябко постукивая ногами, слушали разглагольствования Бужардона, своего бригадира...

Вдруг колокольный звон оборвался, словно звонарь понял, что ошибся и звонит в неурочный час; Бужардон со своими людьми, разобрав оружие, мелкой рысью потащил пожарный насос; я видел, как они скрылись за поворотом, а за ни-

ми молча бежали четверо мальчишек, с хрустом ломая своими толстыми подошвами ветки и сучья на заиндеветшей дороге: я решился пуститься вслед.

Жизнь в городке замерла, только из кафе Даниэля глухо доносились, то разгораясь, то затихая, споры любителей выпивки. Прикасаясь на ходу к низкой ограде нашего двора, я добрался до калитки, немного встревоженный своим опозданием.

Калитка была приоткрыта, и я сразу увидел: происходит что-то необычное.

У двери в столовую из пяти застекленных дверей, выходящих во двор, она была ближе всех к калитке — стояла седая женщина и, наклонившись к стеклу, пыталась что-то разглядеть сквозь занавески. Она была маленького роста, в старомодном капоре черного бархата. Ее худое лицо с тонкими чертами выражало крайнее беспокойство, и какое-то тревожное предчувствие при виде ее заставило меня остановиться на первой ступеньке, у самой калитки.

— Куда он мог деваться, боже мой! — проговорила она вполголоса. — Ведь только что был здесь. Наверно, уже весь дом успел обойти. Может быть, убежал...

Каждую фразу она сопровождала еле слышным троекратным постукиванием по стеклу.

Никто не отзывался на стук незнакомки. Милли наверняка получила уже шляпу из Ла-Гара; значит, она сидела сейчас в своей комнате, перед кроватью, усеянной старыми лентами и потертыми

перьями, и, забыв обо всем на свете, шила, перешивала, переделывала свой скромный головной убор... И правда, когда посетительница проскользнула вслед за мною в столовую, мама появилась на пороге в новой шляпе, двумя руками придерживая еще не до конца укрепленные ленты, перья и латунные нити... Она улыбнулась мне своими синими глазами, уставшими от работы в сумерках, и воскликнула:

— Взгляни-ка! Я ждала тебя, чтобы показать...

Но, заметив незнакомку, усевшуюся в большое кресло посреди комнаты, она в смущении остановилась, не докончив фразы. Быстрым движением она сняла шляпу и в продолжение всего последующего разговора прижимала ее к груди правой рукой, как большое гнездо.

Женщина в капоре, зажав коленями зонтик и кожаную сумочку, стала объяснять цель своего визита и при этом слегка покачивала головой и прищелкивала языком. Она уж снова держалась с апломбом, а начав говорить о своем сыне, сразу приняла горделивый и таинственный вид, нас обоих очень заинтриговавший.

Они приехали в почтовой карете из Ла-Ферте-д'Анжийон, что в четырнадцати километрах от Сент-Агата. Вдова — и, как она дала нам понять, весьма богатая, — она потеряла младшего из двух своих сыновей, Антуана, который внезапно умер, вернувшись однажды вечером из школы, умер от того, что искупался вместе с братом в зараженном пруду. Она решила поместить старшего, Огюсте-

на, к нам на пансион, чтобы он прошел здесь курс старших классов.

И она сейчас же принялась расточать похвалы этому новому ученику, которого к нам привезла. Ее словно подменили; я просто не узнавал седую женщину, ту, что минутой раньше стояла, сгорбившись, перед дверьми и всем своим умоляющим и растерянным видом напоминала курицу, потерявшую дикого птенца, которого она вывела вместе с собственными цыплятами.

Она с восторгом рассказывала о своем сыне удивительные вещи. По ее словам, он любил делать ей приятное и мог прошагать босиком по берегу реки целые километры — только для того, чтобы разыскать для нее среди зарослей терновника яйца водяных курочек или диких уток... Он ставил и верши... И один раз ночью нашел в лесу фазана, попавшего в силки...

А я-то, однажды порвав нечаянно куртку, едва решился вернуться домой... Я с удивлением взглянул на Милли.

Но моя мама больше не слушала, она даже сделала даме знак, чтобы та замолчала; осторожно положив на стол свое «гнездо», мама тихонько поднялась, словно желая застигнуть кого-то врасплох...

Действительно, над нами, в чулане, где были свалены почерневшие остатки фейерверка от прошлогоднего праздника Четырнадцатого июля, ходил взад и вперед кто-то чужой, сотрясая потолок уверенными шагами; потом шаги переместились

в сторону больших темных чердаков второго этажа и наконец затерялись где-то возле пустующих комнат надзирателей, где теперь сушился липовый цвет и дозревали яблоки.

— Я уже слышала этот шум несколько минут тому назад; кто-то ходил по нижним комнатам, — тихо проговорила Милли, — но я подумала, что это ты, Франсуа, вернулся...

Никто не ответил ей. Мы все трое застыли с бьющимся сердцем; и вот отворилась дверь, ведущая с чердака на кухонную лестницу; кто-то прошагал по ступенькам, прошел через кухню — и возник в полумраке на пороге столовой.

— Это ты, Огюстен? — спросила дама.

Перед нами был высокий мальчик лет семнадцати. В сумерках я видел сперва только его крестьянскую войлочную шляпу, сдвинутую на затылок, и черную блузу, стянутую ремнем на ученический манер. Я смог разглядеть, что он улыбается...

Он заметил меня и, прежде чем кто-либо успел потребовать от него объяснений, сказал:

— Пошли во двор!

Какую-то секунду я колебался. Потом, видя, что Милли меня не удерживает, взял фуражку и шагнул к нему. Мы вышли через кухонную дверь и двинулись к площадке, уже погружавшейся в темноту. В неверном вечернем свете я видел его костистое лицо, прямой нос, пушок на верхней губе.

— Посмотри, что я нашел у вас на чердаке, — сказал он. — Ты, должно быть, редко туда заглядываешь.

Он держал в руке маленькое потемневшее деревянное колесо, обвитое фитильным шнуром, — наверно, то было «солнце» или «луна» для праздничного фейерверка.

— Я нашел там еще две такие же штуки, они совсем целые, мы их сейчас с тобою зажжем, — сказал он невозмутимым тоном с видом человека, который уверен в успехе задуманного.

Он сбросил свою шляпу на землю, и я увидел, что он острижен наголо, как крестьянин. Он показал мне две ракеты с бумажными фитилями, видимо, не успевшими догореть до конца. Воткнув в песок ступицу колеса, он вытащил из кармана коробку спичек — к моему величайшему изумлению, так как нам категорически запрещалось иметь при себе спички. Присев, он осторожно поднес спичку к фитилю. Потом быстро оттащил меня за руку.

Минуту спустя, когда моя мать, закончив с матерью Мольна переговоры о плате за пансион, вышла вместе с ней из дома во двор, над площадкой, шипя, как кузнечные мехи, взвились два снопа красных и белых звезд. И какую-то долю секунды она, наверно, могла видеть, как я стою в волшебном сиянии рядом с высокой фигурой новичка, держа его за руку...

Но она и на этот раз ничего не сказала.

А вечером, во время ужина, за нашим семейным столом сидел молчаливый юноша; он ел, опустив голову и не замечая, что мы все трое с любопытством глядим на него.